

УДК 008.009:39 (Цивилизация. Культура. Прогресс. Национальная идентичность и взаимодействие культур)

АПОФАТИКА КУЛЬТУРЫ В ПОЭМЕ Н.А. НЕКРАСОВА «КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО»: НАЦИОНАЛЬНОЕ БЫТИЕ И ИНОБЫТИЕ

© 2021 М.А. Дударева

*Дударева Марианна Андреевна, кандидат филологических наук,
доктор культурологии,*

*доцент кафедры русского языка № 2 Института русского языка,
заведующая отделом литературоведения и межкультурной коммуникации*

E-mail: marianna.galieva@yandex.ru

*Российский университет дружбы народов
Москва, Россия*

Статья поступила в редакцию 10.12.2021

Объектом статьи выступает апофатика как феномен культуры. Предметом является национальная топика в творчестве Н.А. Некрасова, 200-летие со дня рождения которого мы отмечаем в этом году. Материалом для статьи служит поэма «Кому на Руси жить хорошо». Герменевтической реконструкции поддаются этосы жизни и смерти в произведении. Большое внимание уделяется русской фольклорной традиции в поэме, которая выразилась как эксплицитно, так и имплицитно. Методология исследования сводится к целостному онтогерменевтическому анализу, направленному на высвечивание фольклорной, этнографической парадигмы данного художественного текста. Уделяется большое внимание мифологеме пути-дороги. Проводятся параллели с русской волшебной сказкой, для которой характерна иномирная парадигма, поиск «иног царства». Результаты исследования заключаются в выявлении культурного потенциала поэмы для дальнейшего изучения национальной топики, национального бытия и инобытия, апофатики как феномена русской культуры, сопряженного с феноменом смерти. Результаты работы также могут быть использованы в преподавании курсов по русской литературе, культурологии, философии. *Ключевые слова:* русская культура и литература, фольклор, сказка, феномен смерти, национальный образ мира, Г. Гачев

DOI: 10.37313/2413-9645-2021-23-80-68-74

Введение. Поиск «иног царства» связан с мортальным текстом культуры, с явлением «того света». В русском фольклоре, в волшебной сказке и былинах, известны формулы типа «иду туда, не знаю куда», «ищу то, не знаю что», которые глубоко апофатичны, сопряжены с поиском непостижимого, с запредельным пределом, иначе говоря, с оным миром. Специалист по апофатике русского языка М. Ю. Михайлова отмечает: «В русской речи одним из истоков возникновения средств передачи семантики невыразимого определяем фольклор с его набором устойчивых фольклорных формул *ни вздумать ни взгадать, разве в сказке сказать; ни в сказке сказать, ни пером описать* и др.» [6, с. 270]. Русский Иван-дурак спускается в «иное царство», чтобы добыть волшебный предмет, вещую невесту, сакральные знания [2]. Но для этого герой должен рискнуть своей жизнью, рискнуть совершить, как пишет С. А. Есенин

в трактате «Ключи Марии», *посыл в смерть*: «Ничто не дается без жертвы. Ни одной тайны не узнаешь без послания в смерть» [3, с. 190]. Однако такой поступок требует и определенной жертвенности, отказа от некоторых материальных благ. Неслучайно ведь неудачливый *меньшой брат* в русской сказке (он лишен бытовых навыков и мирских благ), на что еще обращал внимание фольклорист Е.М. Мелетинский, получает и чудесного коня, и прекрасную царевну в жены, и сакральные знания: «Иванушка-дурачок глуп с точки зрения его практических эгоистичных здравомыслящих братьев, но обладает какой-то мудростью, которая в конечном счете дает ему преимущество перед братьями» [5, с. 188]. Таким образом, жизнь и смерть, наше поведение *здесь*, в дольном мире, и последующее пребывание в горнем тесно связаны (рождение и уход одинаково сакральны), и из этого рождается *апофатика*

жизни неудачливого, по-бытовому несчастливого меньшего брата, заводящая современных исследователей в тупик рациональности. Может быть, поэтому сегодня, в дни празднования двухсотлетия со дня рождения Николая Алексеевича Некрасова, мы снова возвращаемся к мучительному вопросу «Кому на Руси жить хорошо?» из его великой поэмы.

История вопроса. Исследователей некрасовской поэмы волнует в первую очередь ее незавершенность, но не фабульная, а сюжетная, на что уже обращали внимание литературоведы, когда справедливо разводили понятия «фабула» и «сюжет» [10, с. 84-86]. Однако эта незавершенность и апофатичность — *корневая* для русского космоса. Лев Аннинский, размышляя о литературе, часто подчеркивал, что русская литература поставила больше проклятых вопросов, чем дала ответов на них. Но вопросы эти, выражаясь языком онтологии, носят *предельный* характер и, как ни парадоксально, не требуют вовсе ответа, или по крайней мере прямого ответа. Современный философ Г. Л. Тульчинский настаивает на глубинном апофатизме русского духовного опыта, русского труда, когда для нашего брата важна жизнь в мире ином, потустороннем: «Содержанию российской смысловой картины мира свойственна апофатическая ориентация не столько на опыт реальной жизни в этом мире, включая конструктивную трудовую деятельность, сколько на опыт переживания сопричастности трансцендентному, выходящему за рамки повседневности, иногда даже отрицания ее» [12, с. 42]. И в этом случае при всех больших заслугах некрасоведения эта поэма за редким исключением (культурологическое рассмотрение поэмы В.П. Океанским «Метафизика пьянства Н.А. Некрасова» [7, с. 256-

266]) прочитывалась в «реальном» ключе: обращались к галерее образов мужиков, к нравам и быту народной жизни, занимались историей создания поэмы, предлагали разные интерпретации возможного ее конца. Но, возможно, стоит обратиться к национальной топике, к особенностям нашего Космо-Психо-Логоса (понятие Г.Д. Гачева) и прочитать поэму с этих позиций. И дело здесь не только в фольклорной традиции, за которой следовал, от которой одновременно отступал автор и к которой также обращались исследователи его творчества, но и в национальных «априори», врожденных Бытием каждому народу [1, с. 42]. Россия — космос Апейрона, пишет филолог и культуролог Г.Д. Гачев [1, с. 213], анализируя наш национальный образ мира. Космос России безграничен в ее равнинности, неслучайно главная модель художественного пространства у нас открытая — степь, где трудно ориентироваться без вертикальных маркеров.

Методы исследования. Размышление о национальном образе мира русского народа может быть продуктивно и при онтогерменевтическом анализе художественного космоса, поскольку у нас литература тесно связана с фольклорной традицией и мифологическими представлениями о мире. Еще Д.С. Лихачев указывал на внезапный «скачок» в развитии нашей словесности: «Литература возникла внезапно. Скачок в царство литературы был подготовлен всем предшествующим культурным развитием русского народа. Высокий уровень развития фольклора сделал возможным восприятие новых эстетических ценностей, с которыми знакомила письменность» [4, с. 107].

Результаты исследования. Пролог поэмы Н.А. Некрасова открывает нам двери в «иное царство»:

В каком году — рассчитывай,
В какой земле — угадывай,
На столбовой дороженьке
Сошлись семь мужиков... [7, с. 5]

Мужики в поворотный час своей жизни сходятся на «столбовой дороженьке», чтобы ответить на вопрос, который заведомо не имеет однозначного прямого ответа. Но важно не то, что они

устремлены «в никуда», как русский Иван-дурак, а то, что и сами они прибыли на эту дороженьку из мест весьма «сомнительных»:

Семь временнообязанных,
Подтянутой губернии,
Уезда Терпигорева,
Пустопорожней волости,

Из смежных деревень:
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина.
Горелова, Неелова —
Неурожайка тож,
Сошлись — и заспорили:
Кому живется весело,
Вольготно на Руси? [7, с. 5]

Ономастика данного отрывка семантически заряжена: все деревни, из которых прибыли мужики, несут в себе элемент отрицания, они апофатичны. И вот, чтобы *наполниться* (бытием), преодолеть этот ген пустоты, недостаточности

чего-либо (урожай, одежда, кров и тепло), мужики из небытия, меона, должны впрыгнуть в инобытие, чтобы найти правду, которая является сакральным знанием и, как полагается по законам русского фольклора, требует спуска в «иное царство», что и происходит:

Так шли — куда не ведая,
Когда б им баба встречная,
Корявая Дурандиха,
Не крикнула: «Почтенные!
Куда вы на ночь глядя
Надумали идти?..»
Спросила, засмеялась,
Хлестнула, ведьма, мерина
И укатила вскачь... [7, с. 6]

Русского некрасовского мужика «обвиняют» в пьянстве. Но, дискутируя с В.П. Океанским, поставившим вопрос о метафизике, *апологии пьянства* в поэме, все-таки обратим внимание на два

момента. Первый: в лесу мужики, повстречавшись с пташкой малою, ждут от нее чуда. Именно чуда (иерофании, на языке М. Элиаде) просит русская душа:

Ой ты, пичуга малая!
Отдай свои нам крылышки,
Все царство облетим,
Посмотрим, поразведем,
Попросим — и дознаемся:
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси? [7, с. 11]

И только потом они просят за спасение птички еду, теплую одежду, липовые лапки, за что в ответ щедро награждаются скатертью-самобранкой. Второй момент: располагаясь за столом, уготованным чудесной скатертью, мужики не только напиваются и наедаются, но и ведут великий спор, приглашая странников присоединиться к их трапезе. *Наполняя* себя вином, они как бы

вновь и вновь наполняются вопросом «Кому на Руси жить хорошо?».

Художественная ткань поэмы пронизана апофатикой, инобытийностью: мужики сошлись *невзначай* и идут из Окольных деревень *путем-дорогою* (глава I «Поп»), оглядывая Русь глазами, полными любви:

А правая сторонюшка
Уже светла и радостна,

Там дождь перестает.
Не дождь, там чудо божие:
Там с золотыми нитками
Развешаны мотки... [7, с. 21]

Но русская земля влажная, сырая, отсюда наше выражение «мать сыра земля»:

Недаром наши странники
Поругивали мокрую.
Холодную весну.
Весна нужна крестьянину
И ранняя и дружная,
А тут — хоть волком вой!
Не греет землю солнышко.
И облака дождливые,
Как дойные коровушки.
Идут по небесам. [7, с. 27]

И поэтому русскому мужику нужен огонь, который он обретает в вине. Г.Д. Гачев тонко подмечает на этот счет: «Россия — “мать-сыра земля”, то есть “водо-земля” по составу стихий... очевидно, что по составу стихий ее должны восполнить “воз-дух” и “огонь”, аморфность должна быть восполнена формой (предел, границы)...» [1, с. 206]. Однако *чара зелена вина*, как мы помним из наших былин, исторических песен и баллад, приносит не только хмель, но и знание, прозрение (былина про Михайло Потыка); чара в сакральном смысле уподобляется куполу неба. Такой же культ ритуального напитка мы обнаруживаем у персов и гебров (известен культ ха-

омы / сомы [11, с. 578-579]). И тогда стоит задуматься над тем, как читать поэму Н.А. Некрасова, которая ведет окольными путями-дорогами *в никуда*. Перед нами поэма-перевертыш в стиле Ф. Рабле, который показал через феномен обжорства в «Гаргантюа и Пантагрюэле» перевернутый мир народной культуры, где хаос космизируется, то есть упорядочивается и превращается в космос: положительное изображается с обратным знаком — таковы законы народного театра, площадного искусства и в целом фольклора. Вспомним нашу народную драму. В одном из вариантов драмы «Царь Максимилиан» можно встретить следующие скрытые оксюмороны (описывается внешность невесты):

Я не желаю этой невесты взять.
У ней нос, как луковица
Глаза, как пуговица. [9, с. 85]

Черта этой драмы — смешение комического с трагическим, что характерно и для поэмы Н.А.

Некрасова, где мужики смеются над самими собой. В главе II «Сельская ярмонка» мужик чинит колесо, ломая топор:

Пьяненок! Ось сломалася,
А стал ее удельывать —
Топор сломал! Раздумался
Мужик над топором,
Бранит его, корит его... [7, с. 32]

В главе III «Пьяная ночь» *парень тихонький* хоронит свою поддевку:

«Что делаешь ты тут?»
— А хороню я матушку! —

«Дурак! какая матушка!
Гляди: поддевку новую
Ты в землю закопал! [7, с. 39]

Русский мужик любит балагурить, любит потешаться над собой, любит посещать народный театр:

Комедию с Петрушкою,
С козою с барабанщицей
И не с простой шарманкою,
А с настоящей музыкой
Смотрели тут они.
Комедия не мудрая,
Однако и не глупая... [7, с. 36]

Таков и характер, и поступки нашего *меньшого брата* — они не мудры, не глупы, они до всякой рациональности, они апофатичны, и в этом видится потенциальный выход из небытия (*неурожая, бесхлебицы, нужды*) в инобытие, по крайней мере, для начала — в инобытие. И для русского человека важнее всех мирских благ умереть на

малой родине: «Мне на родине, // Как всякому крестьянину, // Хотелось умереть...» [7, с. 53]. Но в то же время смерти для русского мужика нет. Почти нет (смерть не как конечная, как переход). В «Солдатской песне» рефреном звучит «смерти нет»:

Тошен свет,
Хлеба нет,
Крова нет,
Смерти нет. [7, с. 220]

А что есть, что аксиологически и онтологически значимо? Слово, к которому тянется русская душа, проживает и изживает самое себя в Логосе, свои боли — в песне, без которой ни одно дело не делается: крестьяне любят пуще водки только песни («Соленая», «Солдатская», «Русь», даже целая глава называется «Песни»). Случайно ли, что

неоконченная, как бы *неоконтуренная*, поэма завершается песней «Русь»? В ней и ответ про нас самих, ответ, быть может, и умирающему Н.А. Некрасову, много размышлявшему о финале (поэт «уже в середине 70-х годов почти никогда не отвечал на вопросы о финале поэмы, а сам в ответ интересовался у других») [10, с. 79]:

Русь не шелохнется,
Русь — как убитая!
А загорелась в ней
Искра сокрытая, —
Встали — небужены,
Вышли — непрошены,
Жита по зернышку
Горы nanoшены! [7, с. 234]

Не просят, а косят, не будят, не помогают, а идут в поле и трудятся. Зачем? Этот вопрос *внерационален*. Русский труд апофатичен и экстатичен, он не для самих себя, он — для матери сырой земли, которой и русский мужик, и господин от-

дают дань. Вернемся снова к мыслям культуролога Г.Д. Гачева о космофиле России: «...русский человек свыкся трудиться не столько движимый своей охотой к зажиточности (он привык довольствоваться малым, как и свойственно мудрому: Сократу, Декарту и Ивану-дураку), но исполняя

наряд организующей воли Державы» [1, с. 209]. И в этом широта русского человека, его свобода: вольготно — широтно, широко, но широтой, этим простором, Апейроном, можно овладеть через тяжелый труд. И только в духе *апофатики русской жизни*, ее непостижимости, в духе народного театра, построенного по законам инвертированной, то есть перевернутой действительности, можно понять эту великую поэму, перефразировать ее заглавный вопрос: «А живет ли плохо на Руси?».

Выводы. Погружение в национальный (здесь — фольклорный) космос России помогает приблизиться к пониманию апофатики как феномена русской культуры, апофатичности жизни, понять внерациональное поведение меньшего брата из русской волшебной сказки и попытаться разрешить некрасовское предельное вопрошание «Кому на Руси жить хорошо?»

1. Гачев, Г. Д. Ментальности народов мира. - М.: Алгоритм; Эксмо, 2008. - 544 с.
2. Елеонская, Е. Н. Представление «того света» в сказочной традиции // Сказка, заговор и колдовство в России. - М.: Индрик, 1994. С. 42–50.
3. Есенин, С. А. Ключи Марии // Собр. соч.: в 7 т. - М.: Наука; Голос, 1997. - Т. 5. - С. 186–213.
4. Лихачев, Д. С. Первые семьсот лет русской литературы // Лихачев Д. С. О филологии. - М.: Высшая школа, 1989. С. 107–127.
5. Мелетинский, Е. М. Герой волшебной сказки. - М.; СПб.: Академия исследований культуры, Традиция, 2005. - 240 с.
6. Михайлова, М. Ю. Семантика невыразимого и средства ее передачи в русском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. - Уфа, 2017. - 322 с.
7. Некрасов, Н. А. Кому на Руси жить хорошо // Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. - Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1982. Т. 5. - 688 с.
8. Океанский, В. П. Человек и тотальность: поэтика пространства и ее кризис. - Иваново: ШГПУ, 2010. - 358 с.
9. Савушкина, Н. И. Русский народный театр. - М.: Наука, 1976. - 151 с.
10. Саженина, Е. В. Динамические аспекты сюжета в поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»: дис. ... канд. филол. наук. - Новосибирск, 2014. - 216 с.
11. Топоров, В. Н. Хаома // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. - М.: Сов. энциклопедия, 1982. Т. 2. - С. 578–579.
12. Тульчинский, Г. Л. Уроки А. Платонова в осмыслении рационализации социальной жизни // Наследие. - 2020. - № 1 (16). - С. 32–44.

**АПОPHATICS OF CULTURE IN THE POEM BY N. A. NEKRASOV
“WHO CAN BE HAPPY AND FREE IN RUSSIA?”:
NATIONAL EXISTENCE AND OTHERNESS**

© 2021 M.A. Dudareva

*Marianna A. Dudareva, PhD in Philology, Doctor of Culturology,
docent of the Department of Russian language no. 2
of the Institute of the Russian language
E-mail: marianna.galieva@yandex.ru
Peoples' Friendship University of Russia
Moscow, Russia*

The object of the article is apophatics as a cultural phenomenon. The subject is the national topic in the works by N. A. Nekrasov, this year they celebrate the 200th anniversary of his birth. The material for the article is the poem “Who Can Be Happy and Free in Russia?”. The ethos of life and death are hermeneutically reconstructed in the work. Much attention is paid to the Russian folklore tradition in the poem, which was expressed both explicitly and implicitly. The research methodology is reduced to a holistic onto-hermeneutic analysis aimed at highlighting the folklore, ethnographic paradigm of this literary text. Much attention is paid to a path-road mythologeme. Parallels are drawn with the Russian fairy tale, which is characterized by an otherworldly paradigm, the search for “another kingdom”. The research results are to identify the cultural potential of the poem for the further study of the national topic, national existence and otherness,

apophatics as a phenomenon of Russian culture associated with the phenomenon of death. The results of the work can also be used in teaching courses in Russian literature, cultural studies, philosophy.

Keywords: Russian culture and literature, folklore, fairy tale, the phenomenon of death, national image of the world, G. Gachev

DOI: 10.37313/2413-9645-2021-23-80-68-74

1. Gachev, G. D. Mental'nosti narodov mira (Mentality of the peoples of the world). - M.: Algoritm; Jeksmo, 2008. – 544 s.
2. Eleonskaja, E. N. Predstavlenie «togo sveta» v skazochnoj tradicii (Representation of the "other world" in the fairytale tradition) // Skazka, zagovor i koldovstvo v Rossii. - M.: Indrik, 1994. S. 42–50.
3. Esenin, S. A. Kljuchi Marii (Keys of Mary) // Sobr. soch.: v 7 t. - M.: Nauka; Golos, 1997. – T. 5. – S. 186 – 213.
4. Lihachev, D. S. Pervye sem'sot let russkoj literatury (The first seven hundred years of Russian literature) // Lihachev D. S. O filologii. - M.: Vysshaja shkola, 1989. - S. 107–127.
5. Meletinskij, E. M. Geroj volshebnoj skazki (Hero of a fairy tale). - M.; SPb.: Akademija issledovanij kul'tury, Tradicija, 2005. – 240 s.
6. Mihajlova, M. Ju. Semantika nevyrazimogo i sredstva ee peredachi v russkom jazyke: avtoref. dis. ... d-ra filol. Nauk (Semantics of the inexpressible and the means of its transmission in Russian). - Ufa, 2017. – 322 s.
7. Nekrasov, N. A. Komu na Rusi zhit' horosho (Who lives well in Russia) // Poln. sobr. soch. i pisem: v 15 t. - L.: Nauka. Leningr. otdelenie, 1982. T. 5. – 688 s.
8. Okeanskij, V. P. Chelovek i total'nost': pojetika prostranstva i ee krizis (Man and totality: the poetics of space and its crisis). – Ivanovo: ShGPU, 2010. – 358 s.
9. Savushkina, N. I. Russkij narodnyj teatr (Russian National Theater). - M.: Nauka, 1976. – 151 s.
10. Sazhenina, E. V. Dinamicheskie aspekty sjuzheta v pojeme N. A. Nekrasova «Komu na Rusi zhit' horosho»: dis. ... kand. filol. Nauk (Dynamic aspects of the plot in the poem by N.A. Nekrasov "Who lives well in Russia"). Novosibirsk, 2014. – 216 s.
11. Toporov, V. N. Haoma (Haoma) // Mify narodov mira: Jenciklopedija: V 2 t. - M.: Sov. jenciklopedija, 1982. T. 2. - S. 578–579.
12. Tul'chinskij, G. L. Uroki A. Platonova v osmyslenii racionalizacii social'noj zhizni (Lessons of A. Platonov in understanding the rationalization of social life) // Nasledie. - 2020. - №1(16). - C. 32–44.